

Предыстория создания заповедника «Олекминский» и первая зима на кордоне

Вот уже 36 лет прошло с момента создания заповедника. Сменились века, государственный строй, законы, ушли в заоблачную тайгу многие люди, некогда работавшие в заповеднике, но оставившие о себе добрую память. Но все также остаются неизменными заповедные леса, встает над скалистыми горами теплое солнце, пахнет смолистой хвоей, прохладным речным туманом, пряным ароматом разнотравий, зимой крепким морозом и снегом. Все также бегут с нагорий быстрые реки и речки, прилетают и улетают гуси-лебеди, трубят в пожелтевшей осенней тайге изюбри. Ничего не меняется в этом уникальном кусочке мировой природы и, дай бог, так будет всегда!

Хотелось бы поделиться воспоминаниями, как начинался заповедник.

По стечению обстоятельств, а вернее личному выбору образа жизни, навеянного прочитанными книгами о дикой природе, рассказами работниками таежных и полярных метеостанций, после окончания курсов, далеким теперь уже летом 1971 года, мы с молодой женой Любовью, оказались на труднодоступной гидрометеорологической станции «Джикимда» в должности техников-радиооператоров. Станция располагалась на живописном правом берегу Олекмы, в устье одноименной речки. Напротив древние доломитовые скалы - местные Жигули.

Теперь это территория заповедника. А кругом.. кругом была девственная тайга с ее разнообразным зверьем и птицей, ягодами, грибами, орехом. В реке полно различной рыбы: от маленького гальяна до огромных тайменей. А главное – нам по 20 лет, впереди целая жизнь среди этой чудесной природы. Прошло полвека, а мы по-прежнему живем и работаем здесь, вросли до боли всей душой в эти скалистые берега, тайга стала нашим домом. Здесь родились наши дети, здесь обрели мы настоящих друзей умеющих дружить и ценить таежное слово и дело. Река Олекма в начале 70-х, была малолюдна, редкие селения удалены одно от другого на сотни километров. Вверх по реке ближайшее эвенкийское село Усть-Нюкжа отстояло от нас на расстоянии 400 км. Это уже Амурская область. Каскад мощных порогов там, где река прорезает монолитные граниты Станового хребта, сильное течение, малое количество мотолодок и большие расстояния способствовали сохранности этих земель, соответственно местных зверей, птицы и рыбы. Строительство Байкало-амурской магистрали изменило эту картину не в лучшую сторону и вот, в нужных инстанциях, начинает созревать идея создания охраняемой территории.

Итак, ноябрь 1979г. Ясный морозный день, снизу по замерзшей реке движется олений аргиш, доносится шелканье оленьих копыт, шелест нарт, окрики ездоков, над всем караваном висят клубы пара выдыхаемые животными и людьми. Упряжки медленно поднимаются в гору на территорию станции. Гостей пятеро. Все одеты одинаково, в серых суконных костюмах, на поясах якутские ножи, на ногах меховые торбоза, на головах черные росомашьи шапки. Габышевых - Степана Александровича и сына Алексея из Киндигиря я знал давно, знакомлюсь с другими. Павел Худаев (Чи-Чан) из Бясь-Кюеля, Кульбертинов из Тяни, к сожалению позабыл имя. На то время это были известные, лучшие охотники совхоза «Токкинский».

- Семенов Яков Алексеевич, первый секретарь райкома – представился человек с большой записной книжкой в руках и фотокамерой на груди. Распрягли оленей, отпустили на кормежку и зашли в дом пить чай. Сибирское чаепитие это особый ритуал, подразумевающий не просто питье этого напитка, а полноценный прием различной пищи и своего рода собрание, беседа, иногда многочасовая. Здесь узнаются последние новости: что соболя внизу у реки нет, он весь на верхах в «темнохвойке», на Бедердыхе прошел медведь шатун, старики Сидоровы приедут попозже и передают привет, что Петька наконец женился на Маше, а в первом стаде волки задавили трех оленей. Темы разговора постоянно меняются и вот, Яков Алексеевич поведал о том, что пишет очерк о промысловой охоте, в частности на соболя с лайками. Вот для этой цели были собраны в

одну бригады лучшие охотники. Коснулся также вопроса о необходимости создания заповедника в Олекминском районе. Не ясно было, в какой местности его создавать, на Чаре или на Олекме. Необходимость заповедника на Олекме была не в меньшей степени продиктована запроектированным строительством каскада ГЭС, на участке реки выше Джикимды до Енюке. Сейчас это западная граница заповедника. Работу вела московская экспедиция «Гидропроект» под руководством опытного специалиста А.Фишмана.

Помню прибытие летом 1975г крошечного колесного теплохода «Любовь Шевцова» с георгиевским флагом на корме, разноцветно одетыми людьми на палубе среди экспедиционного скарба. Прямо «картина маслом» начала 20века.

Годом раньше на подобном колесном суденышке якутскими гидрографами была составлена лоция реки Олекмы.

Большие предпосылки для создания будущего заповедника были сделаны якутскими учеными. В разное время на территории проводили полевые работы сотрудники ЯФСОАН СССР: Ю.В. Ревин., Ю.В. Лабутин, А.К. Коноровский, А. Чавычелов и другие. Много интересных открытий сделали археологи Якутского университета: А.Н. Алексеев, Н.Д. Архипов, Н.Н. Кочмар с «сотоварищами».

Все это говорило об уникальности этих мест, о необходимости сохранения этого сказочного разнообразия в первозданном виде.

Достраивалась Байкало-Амурская магистраль. Жадно валили лес корейские лесорубы, попутно, вылавливая на прибрежных сопках драгоценную «пупу» кабарги.

Много стало ненужного хваткого народа в тайге.

И я думаю, что к этому времени уже стало ясно, что местные урманы надо брать под охрану.

Через пару дней бригада ушла на промысел вверх по речке Кучугуй Джикимде. По возвращению в декабре вернулись к заповедному вопросу. Семенов был удивлен большой численностью соболя, изюбря, глухаря. В местности Холболух был очень хороший урожай шишек кедра, поздней осенью он упал на землю и лежал слоем. Медведи жировали до снега и залегли поблизости. Охотники нашли две берлоги. Соответственно было много белки. Ближе к перевалу на Амгу, в сосняках наблюдали небольшие группы северного оленя.

Все это очень впечатлило руководителя района и, он сказал, что будет ходатайствовать о создании заповедника на Олекме. Добавил и я малую толику информации о местном крае, показал фотографии копытных на солонцах, поведал, что минувшей осенью, сплывая на лодке с речки Крестях, на трубу, откликнулись около 15 самцов изюбрей с обоих берегов и дальних сопки, и это на отрезке 13 километров. Поговорили о гнездящихся на местных озерах перелетных птицах, об обширных глухариных токах, ондатре (из финской популяции) расселенной в этих местах еще до войны. Много было разговоров о хищниках: медведях, рысях, рососомах. Также было учтено историческое прошлое этих мест: стоянки древних людей разных эпох, захоронения, наскальные рисунки, тяжкие пути по Олекме в «даурскую землю» русских первопроходцев. Охотники уехали. Тема заповедника со временем стала как-то забываться.

И вот наступил ноябрь 1981 года. В один из пасмурных вечеров, выйдя на лай собак, увидел, что из заснеженного леса, по старой приискательской дороге движется группа людей, волоча за собой ручные нарты. Размашистым шагом бывалого лыжника впереди шел высокий, плечистый человек. По неписаным правилам таежного этикета я должен выйти и встретить гостей. Уже в темноте я подхожу к идущим, жмем друг другу руки.

«Александров Анатолий, – представился впереди идущий, – Новосибирская охотустроительная экспедиция. Проектируем заповедник в ваших местах, – добавил он». Приглашаю всех в дом. Зайдя в помещение и сняв обмерзшую одежду, понимаю, что ребята почти мои ровесники.

Болеслав Федоров сухощавый быстрый крепыш - охотовед экспедиции. Виктор, друг Александрова, решивший провести отпуск в тайге и помочь охотустроительной партии.

И тут, в открывшихся дверях, среди морозного пара, с грудой вещей проявляется маленькая подростковая фигура. Поздоровавшись и сняв шапку фигура превратилась в симпатичную девушку: «Тамара Иванчикова, - улыбнулась она». Тамара - геоботаник экспедиции.

Гоняем длинные чаи, темы разговоров в основном о будущем заповеднике, о зверях и птицах, о пройденном группой пути с реки Амги на Олекму, через водораздельный хребет в долину Кучугуй Джикимде до ее устья.

Партия уже много где побывала, за спиной открытые охраняемые территории в Центральной Сибири, на Саянах, Камчатке.

Впоследствии, после открытия нашего заповедника, партия под руководством Александра А.С. спроектировала еще 10 заповедников.

Проработав на Джикимде, в основном по Олекме, вдоль проектируемой западной границы, группа через несколько дней вылетела в Олекминск. По очередному приезду был изучен бассейн реки Крестях, в основном на нартовых оленях с проводником. Проводилось и авиаобследование территории. Летом 1982 года работы в основном были закончены. В один из пасмурных июньских дней прилетает вертолет, садиться на каменистую косу в устье Джикимды, пилоты машут спиннингами, мы долго прощаемся, крепко жмем руки, как-то сдружились за последнее время, договариваемся выходить на связь и теряемся на долгие годы. С Болеславом Федоровым, заядлым лаечником, мы еще провели в тайге осень 1983 года. Всегда с теплом вспоминаем этих неординарных, интересных людей.

Прошло еще какое-то время, и вот Постановлением Совмина РСФСР от 3 января 1984 года и Совмина ЯАССР от 26 июля этого же года было принято решение о создании государственного заповедника «Олекминский».

В сентябре 1984 года в Олекминск прибывает Бакушин А.А., назначенный министерством Главохоты РСФСР на должность директора заповедника.

Начался набор кадров. Появился бухгалтер Антонова К.И., начальник отдела кадров Парфентьева В.Н., лесничий Спиридонов А.П., на должности лесников Коноворовский А.С и Коноворовская Л.С, то есть мы с женой.

Определяемся сразу на родную Олекму, на будущий кордон Таас-Хойко. Никаких административных зданий у заповедника естественно нет, весь немногочисленный штат ютится в крошечной подсобке Олекминского лесхоза.

И вот состоялось служебное совещание, на котором решено было открыть первый заповедный кордон «Тас-Хайко». Вылет вертолета был назначен на 23 сентября. Проходим краткий инструктаж, получаем удостоверение и уходим готовиться к отъезду. Снегоход, мотолодку будем брать свою, без этого в тайге никак, тем более будущая работа предполагает к многочисленным разъездам.

Немного удручает то, что нет средств связи, а заезжаем в неизвестную местность и возможно надолго. Вылетаем по плану 23 сентября, по не совсем хорошей погоде. Из-за того, что вертолет будет садиться с подбором площадки: груз полностью не взяли. После долгих разговоров с экипажем, грузим мотолодку, бочку бензина и продукты. За Чарой погода портится, низкая облачность, дождь. На подлете к речке Орюс-Миеле облачный занавес опустился до самой земли. Стало ясно, что до места мы не дойдем и надо где-то садиться. Кое – какая видимость есть над Олекмой. Вертолет, рубя винтом мокрый снег, летит над водой. Благополучно сели на галечной косе острова Ытылах, подняв с нее добрую сотню гусей-казарок. Быстро разгружаемся, вертолет тут же уходит. Нас трое: лесничий Андрей Спиридонов и мы с женой. До будущего кордона еще 30 км. Спускаем на воду лодку, грузимся самым необходимым, и выезжаем. Погода улучшается, дождя со снегом уже нет. Прижатые непогодой и подгоняемые северным ветром, летят низко над рекой гогочущие гусиные стаи. Поздно вечером прибываем на место, к шумному устью ручья с неблагозвучным «французским» названием «Мердон». С пригорка смотрит на нас крохотным оконцем такое же крохотное старенькое зимовье. Здесь мы и планируем

временно поселиться. Заповедная земля, напротив, через реку, а Мердон входит в охранную зону.

Переносим вещи наверх в избушку. Она требует некоторого ремонта, тем не менее, устраиваемся удобно. Затапили печь, на костре сварили уху из ленков, пойманных в устье на блесну, между делом. Сказали тост по поводу открытия заповедника. Засыпаем под шум ручья.

На рассвете нас разбудил визгливый рев молодого изюбра с того берега. Сквозь рваный утренний туман видим двух очаровательных грациозных самок и не менее величавого рогатого самца, уходящих по берегу в долину Тас-Хайко. Утром с Андреем выезжаем вниз по реке до речки Бедердах на начало северной границы, на место будущего кордона.. Заповедник открыт. Но об этом местные жители еще не знают и, чтобы не допустить проезда и нарушений, Спиридонов решил контролировать проезд, живя на Бедердахе в палатке. По пути в местности Орюс-Миеле, выявляем первого нарушителя, нашего приятеля с метеостанции, с добычей. Лицензия у него есть, но об открытии заповедника не знает. Объясняем и разъезжаемся. На следующий день возвращаюсь на свой кордон, забрав остатки груза с Ытылаха. Опять полетели гуси и лебеди, однако похолодало на северах. Осень была в разгаре. Золотое время для заготовки рыбы и мяса, а некоторая часть рыболовных и зверовых угодий оказалась на территории заповедника и охранной зоны. И в первую осень мне пришлось целыми днями проводить в лодке, встречая вольных трапшеров, желающих проехать вниз. Народ был разный: от каких-то авиационных начальников одетых в раритетную кожу времен лендлиза и с большими понтами, на новой лодке с услужливым водителем; до бамовского люмпена вообще без понтов, заброшенного вертолетом на реку другим начальником и ищущего удачу на драной лодке с дымным мотором. Подъезжали и рыболовы спиннингово-удочной формации, как правило отпускники. Этим приходилось спускаться и подниматься по бешеным порогам: Мохочену, Коннери и другим, чтобы поймать рыбу своей мечты. Многие понимали и приветствовали открытие заповедника, для других понятие о заповедности доходило очень туго, поэтому встречи происходили по – разному: на дипломатическом уровне и не совсем.

Итак, заповедность на Олекме была обозначена, но оставалось еще много бытовых и производственных проблем. Не было радиосвязи с администрацией, нужно было готовиться к зимовке, много чего не доставало для нормального проживания. Нужно ехать в Олекминск. Попутным транспортом отправляю жену в город. Сам в это время ремонтирую зимовье, делаю печь для выпечки хлеба, готовлю дрова. Долина Мердона выгорела низовым пожаром год назад, вываленный лес лежит баррикадами не протиснуться. Рублю нетолстые деревья на двухметровые сутунки, потом колю повдоль на отдельные фрагменты, потом поперек на поленья и складываю в поленицу. Рублю также жерди и прочий дровяной мусор. В середине октября пошла по Олекме шуга. По утрам довольно крепкие заморозки. Связи с конторой нет. Размечаю площадку для приема вертолета, на косе, в двух километрах ниже Мердона. Вертолет прилетел 21 октября, завис над крутым мердонским берегом, ревет двигатель, свистит винт, выпрыгнула жена, собаки, кругом коловерт песка и плотного воздуха, скидывают мешки с мукой и крупой. Механик тянет мне руку и втягивает в вертолет. Машина взмывает в воздух и через минуты садимся на нижнюю косу. Сгружаем снегоход, бочки с бензином, остальной груз в ящиках и мешках.. борт уходит, ухожу и я, иду через сопку, заваленную горелым лесом, потом поверху высокой скалы, по крутому склону спускаюсь к избушке. Ночью пришел мороз и начался ледостав на Олекме. Лед стоит, но начала подниматься вода. Понимаем, что сейчас затопит наш груз на косе, понимаем, что быстро туда не дойдем. По берегу не пройти, скальный прижим. Путь только через сопку. Коса была затоплена полностью. У берега на дне виднелся «Буран», какие-то ящики, металлические нарты..Бочек с бензином нет. Зимой выдалбливал их в болбуктинской протоке. Река пошла опять, вода прет на берег, вижу как катит по дну на глубину бензопилу «Дружбу». После подвижки

река останавливается. Люба разводит на берегу костер, я лезу в воду, пытаюсь вытащить снегоход. Докорячиваю его да прибрежных валунов, дальше никак. Нужно снимать двигатель. Капота и сиденья уже нет - сорвало и унесло. Достаю из багажника уцелевшие ключи и, стоя на коленях, на ощупь, начинаю откручивать гайки. По грудь в воде, на поверхности только голова и плечи. Пригодился многолетний опыт разбора снегоходов (как автомат Калашникова, с завязанными глазами). Вскоре двигатель на берегу, затем и полегчавший корпус. Вода прибывает, Люба разводит другой костер, прежний затопило. Совершенно не чувствую холода, да и смысла нет греться. Снова лезу в воду, достаю что можно, пока надвигающийся на берег лед не закрывает все подходы. Греюсь и сушу одежду у костра. Затем переносим спасенное имущество на крутой берег, почти в лес. Чтобы не заморозить двигатель, сливаю попавшую в него воду и уже в темноте уходим домой, в избушку. Идем на сопку в кромешной темноте, перебираясь через упавшие стволы обгоревших деревьев. Грязные от сажи, уставшие и мокрые, глубокой ночью приходим к зимовью. Сразу топим баню. Это четырехвенцовый сруб, с крепкими лиственничными стропилами, покрытый толстым брезентом. Пол из колотых, плотно подогнанных плах. Печь-парилка из бочки, обложенной камнями. Все это я соорудил в последние дни, ожидая вертолет.

Строительство кордона планируется на лето следующего года в устье Тас-Хайко, так что житье наше на кордоне было как бы временным. А на самом деле прожили мы здесь еще год. Идут последние дни октября, по ночам морозно. Река, замерзая, трещит, парит белым туманом полынья возле верхнего острова, прибрежный лес в куржаке блестящего инея. А какой воздух в это время в тайге! Сколько в нем какой-то неопишуемой животворящей энергии...

В один из дней, привязав к поняге жестяную печку, завернутую в палатку, уйду по льду реки на косу ремонтировать снегоход. Две наших восточносибирских лайки Варнак и Айна еще ночью, почуяв кого-то, убежали на сопку. Этот «кто-то» впоследствии окажется медведем шатуном, но об этом чуть позже. Планирую поставить палатку, нарубить дрова и пойти искать собак. В полдень они пришли к палатке. Айна ковыляет на трех ногах, переднюю лапу держит на весу, осматриваю и нахожу на лопатке рваную рану, а вокруг над шкурой киселем болтается приличная опухоль. Стало ясно, кого они ночью отогнали от избушки. Надо срочно лечить собаку возвращаясь домой. Возле берега торосисто, иду посредине реки, где более ровный лед. Варнак бежит далеко впереди, Анька ковыляет возле меня. Вдруг вижу, что кобель резко ускорился к берегу. Айна смотрит не на него, а вдаль по реке. Ловлю и я ее обеспокоенный взгляд, ногами чувствую, что лед дрожит и что пошла речка. Бегу к берегу, Айна уже там. Чуть-чуть не успеваю, между мной и ледяным припаем на берегу двухметровая полоса чистой воды. Карабин за спину. Прыгаю. Не кабарга - не долетаю. Естественно в воду. Вылажу на припай, вижу, что река идет полным ходом. Выжимаю одежду, сливаю с ичигов воду и бегом к припаю вдоль скал к избушке, благо она рядом. Подбегая к Мердону, вижу, на снегу припая одиночный след в сторону реки. Любой след в тайге это главный носитель информации и я вижу, что моя жена недавно ушла через Олекму на другой берег. На нем вижу обратный след, на нашем нет. А река начинает торосить и останавливается. Беспokoясь, оглядываю берег и вижу спешащую ко мне фигурку жены. Довольная тем, что и я цел, говорит, что ходила за мылом, обратно перешла речку чуть выше, и через 10 мин пошла река. На Джикимде, где мы раньше работали, Олекма вставала накрепко за один день и до весны.. У здешней реки характер другой: кое-как встала и через 6 дней пошла снова. Мы этого не знали и чуть не попали в беду.

К 15 ноября река замерзла накрепко, и мы решили съездить на метеостанцию Енюка, чтобы связаться с Олекминском. До станции 25 км пути по покрытой торосами реке. В первый день проехали только 10 км пути, рубили в 2 топора нескончаемые торосы. Возле Тас-Миеле допили второй термос чая и ночью вернулись на Мердон. На следующий день, поздно вечером добрались до Енюке. Штат станции 5 человек. Все знакомы. Еще год

назад сами работали на такой же метеостанции, также наблюдали за погодой, также стучали телеграфными ключами, отправляя метеосводки. Кое-как, через третьих лиц, связываемся с администрацией заповедника, узнаем как дела, будет ли вертолет. Получаем неуверенный ответ, что возможно будет в декабре. Пару дней гостим, ремонтирую разбитую «ходовку». 19 ноября выезжаем. Дорога уже получше, Варнак и Айна бодро перебирают ногами впереди снегохода. При подъезде к Мердону, вижу, как собаки закрутились на чьих-то следах и стремглав несутся на бугор к избушке.

Поднявшись, видим, что у нас неприятность, причем весомая. Сразу после нашего отъезда пришел медведь-шатун и оставил нас без продовольствия. Продукты и часть вещей были сложены на шестиметровом стеллаже и закрыты брезентом. Все было разворочено, мешки с мукой, крупой разорваны, содержимое перемешано со снегом, консервные банки раздавлены, сливочное масло съедено, бидон с растительным маслом опрокинут. Окно в избушке выбито, оторвана дверь в банной палатке.

Сейчас этот грабитель под лай собак уходил вверх по ключу. Затягиваем окно пленкой, разжигаем печку. Люба что-то варит из нетронутых продуктов, я слушаю собак, лая уже не слышно, ушел далеко. Собаки вернулись ночью. Айна опять поранена, запускаем ее в избушку.

Шатун пришел на рассвете, старенький глуховатый. Варнак не может его сдержать, и он уверенно подходит к избушке, видит меня, но направления не меняет. Тут из-за двери вылетает рассвирепевшая Айна и медведь убегает в сопку...

Вертолет приходит в конце декабря и мы выезжаем в Олекминск. Узнаем, что за это время открыт еще один кордон на реке Амга. Лесниками работали В.Васильев и Н.Волобуев, лесничим был Габышев М.Н. Главный лесничий - молодой, энергичный Гажала А.А приехавший из Саяно-Шушенского заповедника. Постепенно заповедник начинал входить в рабочий ритм. В феврале уже 1985 года снова залетаем на кордон. Так прошла наша первая зима на кордоне, потом было еще 35 зим, сейчас окончилась 36-я. Этим летом в июне будет полвека нашей таежной жизни.

А.Коноровский

Государственный инспектор в области охраны окружающей среды госзаповедника «Олекминский»